

М 80
P 176431

Баллады

И
ПЕСНИ
АНГЛИЙСКОГО
НАРОДА

Demruz

Баллады
и
песни
английского
народа

Государственное Издательство
Детской Литературы
НКП РСФСР
Москва 1942 Ленинград

Составитель сборника
проф. М. М. МОРОЗОВ

Рисунки
Н. КУЗЬМИНА

Вальтер Скотт

РОДИНА

Где тот, в ком сердце так мертво,
Чтоб не срывалось с уст его:
«Вот он, мой край, мой край родной!»,
В ком не горела бы душа,
Когда он шел домой спеша
Из странствий по земле чужой?

Коль есть такой — его отметь:
О нем певец не будет петь!
Пусть гордо имя, сан высок,
Неистощим богатств приток, —
Власть, деньги, сан — все звук пустой.
Он, жалкий, занят лишь собой;
Его при жизни не почтят;
Уйдя же в прах, откуда взят, —
Умрет вдвойне: не будет он
Воспет, оплакан, восхвален!

Т. Щепкина-Куперник

ЛУЧШИЙ ПАРЕНЬ

Лучший парень наших лет,
Славный парень,
Статный парень,
На плече он носит плед,
Славный горский парень.

Носит шапку пирожком,
Славный парень,
Статный парень,
Он с изменой незнаком,
Славный горский парень.

Слышишь звонкий зов трубы,
Дочь полей,
Дитя долины,
Зов трубы и гром пальбы,
Девушка долины?

Слава в бой меня зовет,
Дочь полей,
Дитя долины,
За свободу и народ,
Девушка долины!

Легче солнце двинуть вспять,
Славный парень,
Статный парень,
Чем тебя поколебать,
Славный горский парень.

Честь добудь себе в бою,
Славный парень,
Статный парень,
И прославь страну свою,
Славный горский парень!

С. Маршак

МЭРИ АМБРИ

Народная баллада

Когда англичане, чтоб Гунт покарать,
Твердыню готовились приступом брать
И воинов громко скликали вожди,
Шла юная Мэри Амбри впереди.

Обманом, коварно был взят на копье
Джон Майор, отрада и гордость ее,
Во прах благородная кровь пролилась,
И Мэри Амбри отомстить поклялась.

И, смелая, в грубый солдатский наряд
Оделась она с головы и до пят.
Готовилась к битве всю ночь до зари
Отважная девушка Мэри Амбри.

И вышла, играя щитом и мечом,
И пандырь тяжелый ей был нипочем,
И, грозное мщенье готова свое,
Она боевое достала ружье.

И крикнула громко: — Солдаты, идем!
Иль вы не признаете Мэри вождем? —
И тысяча вышла, и сотня, и три
С отважною девушкой Мэри Амбри.

— Солдаты, мы будем стоять до конца!
Мне ведомы верные ваши сердца.
Мы город возьмем до вечерней зари. —
Так молвила храбрая Мэри Амбри.

И радостный смех отвечал ей кругом:
— Мы знаем, что справится Мэри с врагом!
Немало мы видели, чорт побери, —
Таких не видали, как Мэри Амбри!

И ринулись бурей на вражеский стан,
И трубы гремели, и бил барабан.
Их встретили пули, огонь и смола,
Но Мэри Амбри их на приступ вела.

— В опасности вас не предам я, друзья,
Порукою — жизнь и свобода моя.
Но стойте как скалы, ни шагу назад! —
Так Мэри Амбри ободряла солдат.

И трижды, бесстрашно и грозно рубясь,
И трижды с тех пор, как заря занялась,
Хоть втрое сильнее был недруг числом,
Водила их Мэри Амбри напролом.

Враги англичан отгесняли от стен,
Враги окружали, чтоб взять ее в плен,
Но мстительной силой кипел ее гнев,
И Мэри Амбри защищалась, как лев.

Она сокрушала врагов пред собой,
Одна семерых вызывала на бой,
И сильные слабым кричали: — Смотри,
Как весело рубится Мэри Амбри!

— Эй, воин английский, отважный боец,
Иль выкуп готовь, иль настал твой конец!
Нас много! Ты сдаться бы мог без стыда! —
И Мэри Амбри засмеялась тогда.

— Вы, храбрые воины, смелые львы!
Скажите мне, с кем же сражаетесь вы?
— Ты — рыцарь английский, могучий в бою,
Но пленником жизнь ты окончишь свою.

— Не рыцарь английский пред вами, вожди.
Не воина сердце ношу я в груди!
Вы с девушкой слабою вышли на бой
И видите Мэри Амбри пред собой.

— Мы с девушкой бились, мы видим, увы!
Иль в Англии девушки все таковы?
Коль Мэри Амбри не осилить в бою,
Так кто же осилит отчизну твою!

Князь Пармы прослышал о том обо всем,
Над Англией вздумал он стать королем,
И видеть он Мэри Амбри пожелал,
И сватов с дарами он к ней посылал.

Но девушка молвила важным послам:
— За княжеский пурпур я честь не продам,
Я дочь благородной английской земли,
И Мэри Амбри не нужны короли.

В прекрасную Англию, в край свой родной
Она воротилась, покончив с войной.
С тех пор многославный английский народ
Про Мэри Амбри эту песню поет.

В. Левик

Байрон

ТЫ КОНЧИЛ ЖИЗНИ ПУТЬ

Ты кончил жизни путь, герой!
Теперь твоя начнется слава,
И в песнях роины святой
Жить будет образ величавый,
Жить будет мужество твое,
Освободившее ее!

Пока свободен твой народ,
Он позабыть тебя не в силах.
Ты пал, но кровь твоя течет
Не по земле, а в наших жилах.
Отвагу мощную вдохнуть
Твой подвиг должен в нашу грудь.

Врага заставим мы бледнеть.
Коль назовем тебя средь боя.
Дев наших хоры станут петь
О смерти доблестной героя,
Но слез не будет на очах:
Плач оскорбил бы славный прах.

А. Плещеев

НА ПОГРЕБЕНИЕ СЭРА ДЖОНА МУРА

Не бил барабан перед смутным полком,
Когда мы вождя хоронили,
И труп не с ружейным прощальным огнем
Мы в недра земли опустили.

И бедная почестъ в ночи отдапа;
Штыками могилу копали;
Нам тускло светила в тумане луна,
И факелы дымно сверкали.

На нем не усопших покров гробовой,
Лежит не в дощатой неволе:
Обернут в широкий свой плащ боевой,
Уснул он, как ратники в поле.

Не долго, но жарко молилась Творцу
Дружина его удалая
И молча смотрела в лицо мертвецу,
О завтрашнем дне помышляя.

Быть может, наутро внезапно явясь,
Враг дерзкий, надменности полный,
Тебя не уважит, товарищ, а нас
Умчат невозвратные волны.

О нет, не коснется в таинственном сне
До храброго дума печали.
Твой одр одинокий в чужой стороне
Родимые руки постлали.

Еще не свершен был обряд роковой —
И час наступил разлученья,
И с валу ударил перун востовой.
И нам он не вестник сраженья.

Прости же, товарищ! Здесь нет ничего
На память могилы кровавой —
И мы оставляем тебя одного
С твоею бессмертною славой.

И. Козлов

Роберт Саути

СУД ВОЖИЙ НАД ЕПИСКОПОМ

Были и лето и осень дождливы;
Были потоплены пажити, нивы;
Хлеб на полях не созрел и пропал;
Сделался голод; народ умирал.

Но у епископа, милостью неба,
Полны амбары огромные хлеба;
Жито сберег прошлогоднее он:
Был осторожен епископ Гаттон.

Рвутся толпой и голодный и нищий
В двери епископа, требуя пищи.
Скуп и жесток был епископ Гаттон:
Общей бедою не тронулся он.

Слушать и вопли ему надоело;
Вот он решился на страшное дело:
Бедных из ближних и дальних сторон,
Слышат, скликает епископ Гаттон.

«Дожили мы до неожиданного чуда:
Вынул епископ добро из-под спуда;
Бедных к себе на пирушку зовет».
Так говорил изумленный народ.

К сроку собрались званые гости,
Бледные, чахлые, кожа да кости.
Старый, огромный сарай отворен:
В нем угостят их епископ Гаттон.

Вот уж столпились под кровлей сарая
Все пришледы из окружного края...
Как же их принял епископ Гаттон?
Был им сарай и с гостями сожжен.

Глядя епископ на пепел пожарный,
Думает: «Будут мне все благодарны:
Газом избавил я шуткой моей
Край наш голодный от жадных мышей».

В замок епископ к себе возвратился,
Ужинать сел, пировал, веселился,
Спал, как невинный, и снов не видал...
Правда! но боле с тех пор он не спал.

Утром он входит в покой, где висели
Предков портреты, и видит, что съели
Мыши его живописный портрет,
Так, что холстины и признака нет.

Он обмелел: он от страха чуть дышит...
Вдруг он чудесную ведомость слышит:
«Наша округа мышами полна,
В житницах съеден весь хлеб до зерна».

Вот и другое в ушах загремело:
«Бог на тебя за вчерашнее дело!
Крепкий твой замок, епископ Гаттон,
Мыши со всех осаждают сторон».

Ход был до Рейпа от замка подземный;
В страхе епископ дорогою темной
К берегу из замка пробраться спешит:
«В Рейнской башне спасуся!» — он мнит.

Башня из рейнских вод подымалась;
Издали острым утесом казалась,
Грозно из пены торчащим, она;
Стены кругом ограждала волна.

В легкую лодку епископ садится;
К башне причалил, дверь запер и мчится
Вверх по гранитным крутым ступеням;
В страхе один затворился он там.

Стены из стали казались слиты,
Были решетками окна забиты,
Ставни чугунные, каменный свод,
Дверью железною запертый вход.

Узник не знает, куда приютиться;
На пол, зажмурив глаза, он ложится...
Вдруг он испуган стенамъем глухим:
Вспыхнули ярко два глаза над ним.

Смотрит он... кошка сидит и мяучит;
Голос сей грешника давит и мучит;
Мечется кошка, невесело ей:
Чует она приближенье мышей.

Пал на колени епископ и криком
Бога зовет в исступлении диком.
Воет преступник... а мыши плывут...
Ближе и ближе... доплыли... ползут.

Вот уж ему в расстоянии близком
Слышно, как лезут с роптаньем и писком;
Слышно, как стену их лапки скребут;
Слышно, как камень их зубы грызут.

Вдруг ворвались неизбежные звери;
Сыплются градом сквозь окна, сквозь двери,
Спереди, сзади, с боков, с высоты...
Что тут, епископ, почувствовал ты?

Зубы об камни они наострили,
Грешнику в кости их жадно впустили,
Весь по суставам раздернут был он...
Так был наказан епископ Гаттон.

В. Жуковский

ВЕРЕСКОВЫЙ МЕД

Из вереска напиток
Забыт давным-давно.
А был он слаще меда,
Пьянее, чем вино.

В котлах его варили
И пили всей семьей
Малютки-медовары
В пещерах под землей.

Пришел король шотландский,
Безжалостный к врагам.
Погнал он бедных пиктов
К скалистым берегам.

На вересковом поле,
На поле боевом,
Лежал живой на мертвом
И мертвый на живом.

Лето в стране настало,
Вереск опять цветет,
Но некому готовить
Вересковый мед.

В своих могилках тесных
В горах родной земли
Малютки-медовары
Приют себе нашли.

Король по склону едет
Над морем на коне,
А рядом реют чайки —
С дорогой наравне.

Король глядит угрюмо
И думает: «Кругом
Цветет медвяный вереск,
А меда мы не пьем!»

Но вот его вассалы
Приметили двоих
Последних медоваров,
Оставшихся в живых.

Вышли они из-под камня,
Щурясь на белый свет, —
Старый горбатый карлик
И мальчик пятнадцати лет.

К берегу моря крутому
Их привели на допрос,
Но ни один из пленных
Слова не произнес.

Сидел король шотландский,
Не шевелясь, в седле.
А маленькие люди
Стояли на земле.

Гневно король промолвил:
— Пытка обоих ждет,
Если не скажете, черти,
Как вы готовили мед.

Сын и отец молчали,
Стоя у края скалы.
Вереск звенел над ними,
В море катились валы.

И вдруг голосок раздался:
— Слушай, шотландский король,
Поговорить с тобою
С глазу на глаз позволь!

Старость боится смерти,
Жизнь я изменой куплю,
Выдам заветную тайну! —
Карлик сказал королю.

Голос его воробьиный
Резко и четко звучал.
— Тайну давно бы я выдал,
Если бы сын не мешал!

Мальчику жизни не жалко,
Гибель ему нипочем.
Мне продавать свою совесть
Совестно будет при нем.

Пускай его крепко свяжут
И бросят в пучину вод —
И я научу шотландцев
Готовить старинный мед!

Сильный шотландский воин
Мальчика крепко связал
И бросил в открытое море
С прибрежных отвесных скал.

Волны над ним сомкнулись.
Замер последний крик.
И эхом ему ответил
С обрыва отец-старик.

— Правду сказал я, шотландцы,
От сына я ждал беды:
Не верил я в стойкость юных,
Не бреющих бороды.

А мне костер не страшен.
Пускай со мной умрет
Моя святая тайна —
Мой вересковый мед!

С. Маршак

Теннисон

ГОДИВА

Я в Ковентри ждал поезда, толкаясь
В толпе народа по мосту, смотрел
На три высоких башни — и в поэму
Облек одну из древних местных былей.

Не мы одни — плод новых дней, последний
Посев Времен, в своем нетерпеливом

Стремленьи в дадь злословлщй Былое, —
Не мы одни, с чьих праздных уст не сходят
Добро и Зло, сказать имеем право,
Что мы народу преданы: Годива,
Супруга графа Ковентри, что правил
Назад тому почти тысячелетье,
Любила свой народ и претерпела
Не меньше нас. Когда налогом тяжким
Граф обложил свой город, и пред замком
С детьми столпились матери, и громко
Звучали вопли: «Подать нам грозит
Голодной смертью!» — в графские покои,
Где граф, с своей аршинной бородой
И полсаженной гривой, по залу
Шагал среди собак, пошла Годива
И, рассказав о воплях, повторила
Мольбу народа: «Подати грозят
Голодной смертью!» Граф от изумленья
Раскрыл глаза. «Но вы за эту сволочь
Мизинца не уколете!» — сказал он.
«Я умереть согласна!» — возразила
Ему Годива. Граф захохотал,
Петром и Павлом громко побожился,
Потом по бриллиантовой сережке
Годиве щелкнул: «Росказни!» — «Но чем же
Мне доказать?» — ответила Годива.
И жесткое, как длань Исава, сердце
Не дрогнуло: «Ступайте, — молвил граф, —
По городу нагая — и налоги
Я отменю», — насмешливо кивнул ей
И зашагал среди собак из залы.

Такой ответ сразил Годиву. Мысли,
Как вихри, закружились в ней и долго
Вели борьбу, пока не победило
Их Состраданье. В Ковентри герольда
Тогда она отправила, чтоб город
Узнал при трубных звуках о позоре,
Назначенном Годиве: только этой
Ценою облегчить могла Годива
Его удел. Годиву любят, — пусть же
До полдня ни единая нога
Не ступит за порог и ни единый
Не взглянет глаз на улицу: пусть все

Затворят двери, спустят в окнах ставни
И в час ее проезда будут дома.

Потом она поспешно поднялась
Наверх, в свои покои, расстегнула
Орлов на пряжке пояса — подарок
Сурового супруга — и на миг
Замедлилась, бледна, как летний месяц,
Полузакрытый облачком... Но тотчас
Тряхнула головой и, уронивши
Почти до пят волну волос тяжелых,
Одежду быстро сбросила, прокралась
Вниз по дубовым лестницам — и вышла,
Скользя, как луч, среди колонн, к воротам,
Где уж стоял ее любимый конь,
Весь в пурпуре, с червонными гербами.

На нем она пустилась в путь — как Ева,
Как гений целомудрия. И замер,
Едва дыша от страха, даже воздух
В тех улицах, где ехала она.
Разинув пасть, лукаво вслед за нею
Косился жолоб. Тявканье дворняжки
Ее кидало в краску. Звук подков
Пугал, как грохот грома. Каждый ставень
Был полон дыр. Причудливой толпою
Шпили домов глазели. Но Годива,
Крепясь, все дальше ехала, пока
В готические арки укреплений
Не засияли цветом белоснежным
Кусты густой цветущей бузины.

Тогда назад поехала Годива —
Как гений целомудрия. Был некто,
Чья низость в этот день дала начало
Пословице: он сделал в ставне щелку
И уж хотел, весь трепеща, прильнуть к ней,
Как у него глаза оделись мраком
И вытекли, — да торжествует вечно
Добро над злом! Годива же достигла
В неведении замка — и лишь только
Вошла в свои покои, как ударил
И загудел со всех несметных башен
Стонучный полдень. В мантии, в короне

Она супруга встретила, сняла
С народа тяжесть податей — и стала
С тех пор бессмертной в памяти народа.
И. Бунив

Вильям Блейк

КОРОЛЬ ГВИН

Внемлите песне, короли!
Когда норвежец Гвин
Народам северной земли
Был грозный властелин, —

В его владеньях нищету
Обкрадывала знать.
Овцу последнюю — и ту
Старалась отобрать.

«Не кормит нищая земля
Больных детей и жен.
Долой тирана-короля,
Пускай покинет трон!»

Проснулся Гордред между скал,
Тирана лютей враг,
И над землей затрепетал
Его мятежный стяг.

За ним идут сыны войны,
Лавиною сплошной, —
Как львы, сильны и голодны,
На промысел ночной.

Через холмы их путь лежит,
Их клич несется ввысь.
Оружья лязг и дробь копыт
В единый гул слились.

Идет толпа детей и жен
Из сел и деревень,
И яростью звучит их стон
В железный зимний день.

Звучит их стон, как волчий вой.
В ответ гудит земля.
Народ идет за головой
Тирана-короля.

От башни к башне мчится весть
По всей большой стране:
«Твоих противников не счесть.
Готовься, Гвин, к войне!»

Норвежец щит подьѐмлет свой
И витязей зовет,
Подобных туче грозовой,
В которой гром живет.

Как плиты, что стоймя стоит
На кладбище немом,
Стоит бойцов безмолвный ряд
Пред грозным королем.

Они стоят пред королем,
Недвижны, как гранит.
Но вот один взмахнул копьѐм,
И сталь о сталь звенит.

Оставил земледелец плуг,
Рабочий — молоток,
Сменил свирель свою пастух
На боевой рожок.

Король войска свои ведет,
Как грозный призракъ тьмы,
Как ночь, которая несет
Дыхание чумы.

И колесницы и войска
Идут за королем,
Как грозные облака,
Скрывающие гром.

— Остановитесь! — молвил Гвин
И указал вперед:
— Смотрите, Гордред-исполин
Навстречу нам идет!

Стоят два войска, как весы,
Послушные судьбе...
Король, последние часы
Отпущены тебе!

Настало время — и соплись
Заклятых два врага,
И конница взметает ввысь
Сыпучие снега.

Вся содрогается земля
От грохота шагов,
Людская кровь поит поля —
И нет ей берегов.

Летают голод и нужда
Над грудой мертвых тел.
Как много горя и труда
Для тех, кто уцелел!

Король полки бросает в бой,
Сверкают их мечи
Лучом кометы огневой,
Блуждающей в ночи.

Живые падают во прах,
Как под серпом жнецов.
Другие бьются на костях
Бессчетных мертвецов.

Вот конь под всадником убит...
И падают, звеня,
Конь на коня, и щит на щит,
И на броню броня.

Устал кровавый бог войны,
Он сам от крови пьян.
Смердящий пар с полей страны
Восходит, как туман.

О, что ответят короли,
Представ на страшный суд,
За души тех, что из земли
О мести вопиют!

Не две хвостатые звезды
Столкнулись меж собой,
Рассыпав звезды, как плоды
Из чаши голубой.

То Гордред — горный исполин,
Шагая по телам,
Настиг врага — и рухнул Гвин,
Разрублен пополам.

Исчезло воинство его.
Кто мог, живым ушел,
А кто остался, на того
Косматый сел орел.

А реки кровь и снег с полей
Умчали в океан,
Чтобы оплакал сыновей
Бурливый великан.

С. Маршак

РОБИН ГУД И МАЛЕНЬКИЙ ДЖОН

Народная баллада

Рассказать вам, друзья, как смельчак Робин Гуд,
Бич епископов и богачей,
С неким Маленьким Джоном в дремучем лесу
Поздоровался через ручей?

Хоть и маленьким звался тот Джон у людей,
Был он телом — что добрый медведь!
Не обнять в ширину, не достать в вышину, —
Было в парне на что поглядеть!

Как с малюточкой этим спознался Робин,
Расскажу вам, друзья, безо лжи.
Только уши развесь: будет чудная весть! —
Лучше знаешь — так сам расскажи.

Говорит Робин Гуд своим добрым стрелкам;
— Даром молодость с вами гублю!
Много в чаще деревьев, по лоштинкам — чудес,
А настанет беда — протрублю.

Я четырнадцать дней не спускал тетивы,
Мне лежачее дело не впрок.
Коли тихо в лесу — побеждает Робин,
А услышите рог — будьте в срок.

Всем им руку пожал и пошел себе прочь,
Веселя на каждом шагу.
Видит: бурный поток, через воду — мосток,
Незнакомец — на том берегу.

— Дай дорогу, медведь! — Сам дорогу мне дашь!
Тесен мост, тесен лес для двоих.
— Коль осталась невеста, медведь, у тебя, —
Знай, пропал у невесты жених!

Из колчана стрелу достает Робин Гуд:
— Что сказать завещаешь родным?
— Только тронь тетиву, — незнакомец ему, —
В миг знакомство сведешь с Водяным!

— Говоришь, как болван, — незнакомцу Робин, —
Говоришь, как безмозглый кабан!
Ты еще и руки не успеешь занести,
Как к чертям отошлю тебя в клан!

— Угрожаешь, как трус, — незнакомец в ответ, —
У которого стрелы и лук.
У меня ж ничего. кроме палки в руках,
Ничего, кроме палки и рук!

— Мне и лука не надо — тебя одолеть,
И дубинкой простой обойдусь.
Но оружием сравнявшись с тобой, посмотрю,
Как со мною сравняешься, трус!

Побежал Робин Гуд в чащи самую глушь,
Обтесал себе сабельку в рост
И обратно помчал, издали крича:
— Ну-ка, твой или мой будет мост?

Так, с моста не сходя, естества не шая,
Будем драться, хотя б до утра.
Кто упал — проиграл, уцелел — одолел, —
Такова в Ноттингаме игра.

— Разобью тебя впрах! — незнакомец всердцах, —
Посмеются тебе зайцы рош!
Посередке моста сшиблись два молодца, —
Зачастили дубинки, как дождь.

Словно грома удар был Робина удар!
Так ударил, что дуб задрожал!
Незнакомец, кичась: — Мне не нужен твой дар, —
Отродясь никому не должен!

Словно лома удар был чужого удар —
Так ударил, что дол загудел!
Рассмеялся Робин: — Хочешь два за один?
Я всю жизнь раздавал, что имел!

Разошелся чужой — так и брызнула кровь!
Расщедрился Робин — дал вдвойне!
Стал гордец гордеца, молодец молодца
Молотить — что овес на гумне!

Был Робина удар — с липы лист облетел!
Был чужого удар — звякнул клад!
По густым теменам, по пустым головам
Застучали дубинки, как град.

Ходит мост под игрой, ходит тес под ногой,
Даже рыбки пршли наутек!
Изловчился чужой и ударом одним
Сбил Робина в бегущий поток.

Над водой наклонясь: — Где ты, храбрый боец?
Не струсилась ли с тобою беда?
— Я в холодной воде, — отвечает Робин, —
И плыву, сам не знаю куда.

Но одно-то я знаю: ты сух, как орех,
Я ж, к прискорбью, мокрее бобра.
Кто вверху — одолел, кто внизу — проиграл, —
Вот и кончилась наша игра!

Полувброд, полувплавь, полумертв, полужив,
Вылез — мокрый, бедняжка, насквозь!
Рог к губам приложил — так, ей-ей, не трубил
По шотландским лесам даже лось!

Эхо звук понесло вдоль зеленых дубрав,
Разнесло по Шотландии всей,
И явился на зов лес стрелков-молодцов
В одеяньи травы зеленой.

— Что здесь делается? — молвил Статли Вильям. —
Почему на тебе чешуя?
— Потому чешуя, что сей добрый отед
Сочетал меня с Девой Ручья.

— Человек этот мертв! — грозно крикнула рать,
Скопом двинувшись на одного.
— Человек этот — мой! — грозно крикнул Робин. —
И мизинцем не троньте его!

Познакомься, земляк! Эти парни — стрелки
Робингудовой братьи лесной.
Было счетом их семьдесят без одного,
Ровно семьдесят будет с тобой.

У тебя ж будет: плащ цвета вешней травы,
Самострел, попадающий в цель,
Будет гусь в небесах и олень во лесах,
К Робин Гуду согласен в артель?

— Видит бог, я готов! — удалец, просияв. —
Кто ж дубинку не сменит на лук?
Джоном Маленьким люди прозвали меня,
Но я знаю, где север, где юг.

— Джоном Маленьким — эдакого молодца?!
— Перезвать! — молвил Статли Вильям. —
Робингудова рать — вот и крестная мать,
Ну, а крестным отцом буду сам.

Притащили стрелки двух жирнух-оленух,
Пива выкатили — не испить!
Стали крепким пивцом под зеленым кустом
Джона в новую веру крестить.

Было семь только футов в малютке длины,
А зубов — полный рот только лишь!
Кабы водки не пил да бородки не брил —
Был бы самый обычный малыш!

До сих пор говорок у дубов, у рябин
Не забыла лесная тропа,
Пень — и тот не забыл, как сам храбрый Робин
Над младенцем читал за попа.

Ту молитву за ним, ноттингамцы за ним,
Повторяли за ним во весь глот.
Восприемный отец, статный Статли Вильям,
Окрестил его тут эдак вот:

— Джоном Маленьким был ты до этого дня,
Нынче старому Джону — помин,
Ибо с этого дня вплоть до смертного дня
Стал ты Маленьким Джоном. Аминь.

Громогласным ура — раздалась бы гора! —
Был крестильный обряд завершен.
Стали пить-наливать, крошке росту желать:
— Разрастайся, наш Маленький Джон!

Ухватил тут Робин малыша-крепыша,
Вмиг раскутал и тут же одел
В изумрудный вельвет — так и лорд не одет! —
И вручил ему лук-самострел:

— Будешь метким стрелком, молодцом, как я сам,
Будешь службу зеленую несть,
Будешь жить, как в раю, пока в нашем краю
Кабаны и епископы есть.

Хоть ни фута у нас — всей шотландской земли,
Ни кирпичика — кроме тюрки,
Мы как сквайры едим и как лорды глядим.
Кто владельцы Шотландии? — Мы!

Поплясав напослед, солнцу красному вслед
Побрели вдоль ручьевых раки
К тем пещерным жильям, за Робинот — Вильям...
Спят — и Маленький Джон с ними спит.

Так под именем сим по трущобам лесным
Жил и жил и состарился он.
И как стал умирать, вся небесная рать
Позвала его: — Маленький Джон!

Марина Цветаева

РОБИН ГУД СПАСАЕТ ТРЕХ СТРЕЛКОВ

Народная баллада

Двенадцать месяцев в году,
Не веришь — посчитай.
Но всех двенадцати милей
Веселый месяц май.

Шел Робин Гуд, шел в Ноттингам, —
Весел люд, весел гусь, весел пес...
Стоит старуха на пути,
Вся сморщилась от слез.

— Что нового, старуха? — Сэр,
Злы новости у нас!
Сегодня трем младым стрелкам
Объявлен смертный час.

— Как видно, резали святых
Огцов и церкви жгли?
Прельщали дев? Иль с пьяных глаз
С чужой женой легли?

— Не резали они отцов
Святых, не жгли церквей,
Не крали девушек, и спать
Шел каждый со своей.

— За что, за что же злой шериф
Их на смерть осудил?
— С оленем встретились в лесу...
Лес королевский был.

— Однажды я в твоём доме
Поел, как сам король.
Не плачь, старуха! Дорога
Мне старая хлеб-соль.

Шел Робин Гуд, шел в Ноттингам. —
Зелен клен, зелен дуб, зелен ваз...
Гляди: в мешках и в узелках
Паломник седовлас.

— Какие новости, старик?
— О сэр, грустнее нет:
Сегодня трех молодых стрелков
Казнят во цвете лет.

— Старик, сымай-ка свой наряд,
А сам пойдешь в моем.
Вот сорок шиллингов в ладонь
Чеканным серебром.

— Ваш — мая месяца новей,
Сему же много зим...
О сэр! Пигде и никогда
Не смейтесь над седым!

— Коли не хочешь серебром,
Я золотом готов.
Вот золота тебе кошель,
Чтоб выпить за стрелков!

Надел он шляпу старика —
Чуть-чуть пониже крыш.
— Хоть ты и выше головы,
А первая слетишь!

И стариков он плащ надел —
Хвосты да лоскуты.
Видать, его владелец гнал
Советы суеты!

Влез в стариковы он штаны.
— Ну, дед, шутить здоров!
Клянусь душой, что не штаны
На мне, а тень штанов!

Влез в стариковы он чулки.
— Признайся, пилигрим,
Что деды-прадеды твои
В них шли в Иерусалим!

Два башмака падел: один —
Чуть жив, другой — дыряв.
— «Одежда делает господ».
Готов. Неплох я — граф!

Марш, Робин Гуд, марш в Ноттингам!
Робин, гип! Робин, гэп! Робин, гоп! —
Вдоль городской стены шериф
Прогуливает зоб.

— О снизойдите, добрый сэръ,
До просьбы уст моих!
Что мне дадите, добрый сэръ,
Коль вздерну всех троих?

— Во-первых, три обновки дам
С уда́лого плеча,
Еще — тринадцать пенсов дам
И званье палача.

Робин, шерифа обжевав,
Скок! и па камень — прыг!
— Записывайся в палачи!
Прешустрый ты старик!

— Я век свой не был палачом;
Мечта моих ночей:
Сто виселиц в моем саду —
И все для палачей!

Четыре у меня мешка:
В том солод, в том зерно
Ношу, в том мясо, в том муку, —
И все пусты равно.

Но есть еще один мешок:
Гляди — горой раздут!
В нем рог лежит, и этот рог
Вручил мне Робин Гуд.

— Труби, труби, Робинов друг,
Труби в Робинов рог!
Да так, чтоб очи вон из ям,
Чтоб скулы вон из щек!

Был рога первый зов как гром!
И — молнией к нему —
Сто Робингудовых людей
Предстало на холму.

Был следующий зов — то рать
Сзывает Робин Гуд.
Со всех сторон, во весь опор
Мчит Робингудов люд.

— Но кто же вы? — спросил шериф,
Чуть жив. — Отколь взялись?
— Они — мои, а я — Робин,
А ты, шериф, молись!

На виселице злой шериф
Висит. Пенька крепка.
Под виселицей, на лужку,
Танцуют три стрелка.

Марина Цветаева

ВОРОН К ВОРОНУ ЛЕТИТ

Народная шотландская песня

Ворон к ворону летит,
Ворон ворону кричит:
Ворон, где б нам отобедать?
Как бы нам о том проведать?

Ворон ворону в ответ:
Знаю, будет нам обед;
В чистом поле под ракитой
Богатырь лежит убитый.

Кем убит и отчего,
Знает сокол лишь его,
Да кобылка вороная,
Да хозяйка молодая.

Сокол в рощу улетел,
На кобылку недруг сел,
А хозяйка ждет милого,
Не убитого — живого.

А. Пушкин

ЭДВАРД

Народная шотландская баллада

1

— Чьей кровию меч ты свой так обагрил,
Эдвард, Эдвард?

Чьей кровию меч ты свой так обагрил?
Зачем ты глядишь так сурово?

— То сокола я, рассердяся, убил,
Мать моя, мать!

То сокола я, рассердяся, убил,
И негде добыть мне другого!

2

— У сокола кровь так красна не бежит,
Эдвард, Эдвард!

У сокола кровь так красна не бежит,
Твой меч окровавлен краснее!

— Мой конь краснобурый был мною убит,
Мать моя, мать!

Мой конь краснобурый был мною убит,
Тоскую по добром коне я!

3

— Конь стар у тебя, эта кровь не его,
Эдвард, Эдвард!

Конь стар у тебя, эта кровь не его,
Не то в твоём сумрачном взоре!

— Отца я сейчас заколол моего,
Мать моя, мать!
Отца я сейчас заколол моего,
И лютое жжет меня горе!

4

— А грех чем тяжелый искупишь ты свой,
Эдвард, Эдвард?
А грех чем тяжелый искупишь ты свой?
Чем сымешь ты с совести ношу?
— Я сяду в ладью непогодой морской,
Мать моя, мать!
Я сяду в ладью непогодой морской
И ветру все парусы брошу!

5

— А с башней что будет и с домом твоим,
Эдвард, Эдвард?
А с башней что будет и с домом твоим,
Ладья когда в море отчалит?
— Пусть ветер и буря гуляют по ним,
Мать моя, мать!
Пусть ветер и буря гуляют по ним,
Доколе их в прах не повалят!

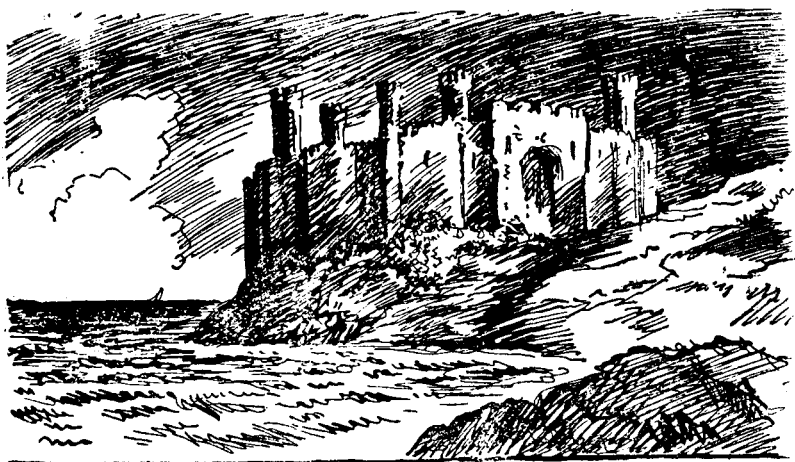
6

— Что ж будет с твоими детьми и с женой,
Эдвард, Эдвард?
Что ж будет с твоими детьми и с женой
В их горькой, беспомощной доле?
— Пусть по миру ходят за хлебом с сумой,
Мать моя, мать!
Пусть по миру ходят за хлебом с сумой,
И с ними не свижуся боле!

7

— А матери что ты оставишь своей,
Эдвард, Эдвард?
А матери что ты оставишь своей,
Тебя что у груди качала?
— Проклятье тебе до скончания дней,
Мать моя, мать!
Проклятье тебе до скончания дней,
Тебе, что мне грех нашептала!

А. К. Толстой

ТРАГЕДИЯ ДУГЛАСОВ

Народная баллада

— Проснись поскорее, мой лорд, мой супруг,
Надень свой тяжелый доспех!
Пусть люди не скажут, что Дугласа дочь
Обвенчана тайно от всех.

Проснитесь, проснитесь, мои сыновья,
Селлайте коней вороных!
Пусть люди не скажут, что Дугласа дочь
Венчалась тайком от родных!

Мисс Маргарет мчится на белом коне.
Лорд Вильям — на сером, за ней.
В руке его — меч, на поясе — рог,
И оба торопят коней.

Назад оглянулся и слушает он,
Что слышится в поле глухом:
Там слышится топот могучих коней —
Семь рыцарей скачут верхом.

— Мой шелковый повод, миледи, возьми,
Держи моего жеребца.
Средь чистого поля я встречу один
И братьев твоих и отца!

Стояла она, смотрела она,
И горько ей было стоять
И видеть, как падают братья в бою
И надо отцу погибать.

— Опомнись, опомнись, безжалостный лорд,
Постой, не рази до конца,
Любовников много могу я найти,
Но где я найду отца?

Сняла она с шеи узорный платок
Голландского полотна.
Но алая кровь из отцовской груди
Бежала, как струйка вина.

— Ты хочешь ли дальше поехать со мной?
Иль хочешь вернуться к родне?
— Поеду с тобой, мой единственный друг, —
Других не оставил ты мне!

Опять они скачут вперед, вперед.
Луна над полями взошла.
С коня он спустился у бледной воды
И Маргарет снял с седла.

Вот оба склонились — уста освежить
Студеной водой ручья,
Но кровью горячего сердца его
Под ним обагрилась струя.

— Ты ранен, ты ранен, — сказала она, —
И кровь твоя в воду бежит!
— О нет, дорогая, багряный мой плащ,
В воде отражаясь, дрожит.

Опять они скачут при свете луны,
Несутся быстрее, быстрее.
У темного замка сошел он с коня
И крикнул, стучась у дверей:

— Открой поскорее, сударыня-мать,
Усталого сына впусти,
Жену дорогую на краткую ночь
Ему удалось привезти.

Вели приготовить для сына постель,
Вели ее мягче постлать!
Ты Маргарет рядом со мной положи,
И долго мы будем спать.

Лорд Вильям скончался ночью порой,
А Маргарет — в утренней мгле.
Пусть горестный жребий влюбленной четы
Не ждет никого на земле!

У церкви Марии подруга лежит,
А рядом — погибший любовник,
Над ней белоснежная роза цветет,
Над ним — темнокрасный шиповник.

Кусты разрослись и ветвями сплелись,
И в мае цветут они оба,
И шепчут они, что лежат в их тени
Два друга, любивших до гроба!

С. Маршак

КОРОЛЕВА ЭЛИНОР

Народная баллада

Королева Британии тяжело больна,
Дни и ночи ее сочтены,
И позвать исповедников просит она
Из родной, из французской страны.

Но пока из Парижа попов привезешь,
Королеве настанет конец...
И король посылает двенадцать вельмож
Лорда-маршала звать во дворец.

Он верхом прискакал к своему королю
И колени склонить поспешил.
— О король, я прощенья, прощенья молю,
Если в чем-нибудь согрешил!

— Я клянусь тебе жизнью и тронем своим:
Если ты виноват предо мной,
Из дворца моего ты уйдешь невредим
И прощенный вернешься домой.

Только плащ францисканца на панцырь надень.
Я оденусь и сам, как монах.
Королеву Британии завтрашний день
Исповедывать будем в грехах!

Рано утром король и лорд-маршал тайком
В королевскую церковь пошли
И кадрили вдвоем и читали псалом,
Зажигая лампад фитили.

А потом повели их в покои дворца,
Где больная лежала в бреду.
С двух сторон подступили к ней два чернеца,
Торопливо крестясь на ходу.

— Вы из Франции оба, святые отцы? —
Прошептала жена короля.
— Королева, — сказали в ответ чернецы, —
Мы сегодня сошли с корабля!

— Если так, я покаюсь пред вами в грехах
И верну себе мир и покой!
— Кайся, кайся! — сурово ответил монах.
— Кайся, кайся! — ответил другой.

— Я неверной женою была королю,
Это первый и тягостный грех.
Десять лет я любила и нынче люблю
Лорда-маршала больше, чем всех!

Но сегодня, о боже, покаюсь в грехах.
Ты пред смертью меня не покинь!..
— Кайся, кайся! — печально ответил монах,
А другой отозвался: — Аминь!

— Зимним вечером ровно три года назад
В этот кубок из хрусталя
Я украдкой за ужином всыпала яд,
Чтобы всласть напоить короля.

Но сегодня, о боже, поклянись в грехах,
Ты пред смертью меня не покинь!..
— Кайся, кайся! — печально ответил монах,
А другой отозвался: — Аминь!

— Родила я в замужестве двух сыновей.
Старший принц и хорош и пригож,
В лице, ни умом, ни отвагой своей
На урода-отца не похож.

А другой мой малютка плешив, как отец,
Косоглаз, косолап, кривоног..
— Замолчи! — закричал косоглазый чернец.
Видно, больше терпеть он не мог.

Отшвырнул он распяты, и, сбросивши с плеч
Францисканский суровый наряд,
Он предстал перед ней, опираясь на меч,
Весь в доспехах от шеи до пят.

И другому аббату он тихо сказал:
— Будь, отец, благодарен судьбе.
Если б клятвой себя я вчера не связал,
Ты бы нынче висел на столбе!

С. Маршак

Вальтер Скотт

ИВАНОВ ВЕЧЕР

До рассвета поднявшись, коня оседлал
Знаменитый Смальгольмский барон,
И без отдыха гнал меж утесов и скал
Он коня, торопясь в Бротерстов.

Не с могучим Боклю совокупно спешил
На военное дело барон,
Не в кровавом бою переведаться мнил
За Шотландию с Англией он;

Но в железной броне он сидит на коне;
Наточил он свой меч боевой;
И покрыт он щитом; и топор за седлом
Укреплен двадцатифунтовой.

Через три дни домой возвратился барон,
Отуманен и бледен лицом;
Через силу и конь, опепен, запылен,
Под тяжелым ступал седоком.

Анкрамморские битвы барон не видал,
Где потоками кровь их лилась,
Где на Эверса грозно Боклю напирал,
Где за родину бился Дуглас;

Но железный шолом был иссечен на нем,
Был изрублен и панцырь и щит,
Был недавнею кровью топор за седлом,
Но не английской кровью покрыт.

Соскочив у часовни с коня за стеной,
Притаясь в кустах, он стоял;
И три раза он свистнул — и паж молодой
На условленный свист прибежал.

— Подойди, мой малютка, мой паж молодой,
И присядь на колена мои;
Ты младенец, но ты откровенен душой,
И слова непритворны твои.

Я в отлучке был три дня, мой паж молодой;
Мне теперь ты всю правду скажи:
Что заметил? Что было с твоей госпожой?
И кто был у твоей госпожи?

— Госпожа по ночам к отдаленным скалам,
Где маяк, приходила тайком
(Ведь огни по горам зажжены, чтоб врагам
Не прокрасться во мраке ночном).

И на первую ночь непогода была,
И безумолку филин кричал;
И она в непогоду ночную пошла
На вершину пустынную скал.

Тихомолком подкрался я к ней в темноте;
И сидела одна — я узрел;
Не стоял часовой на пустой высоте;
Одиноко маяк пламенел.

На другую же ночь я за ней по следам
На вершину опять побежал.
О творец!.. У огня одинокого там
Мне неведомый рыцарь стоял.

Подпершись мечом, он стоял пред огнем
И беседовал долго он с ней;
Но под шумным дождем, но при ветре ночном
Я расслушать не мог их речей.

И последняя ночь безненастна была,
И порывистый ветер молчал;
И она к маяку на свиданье пошла;
У маяка уж рыцарь стоял.

И сказала (я слышал): «В полуночный час,
Перед светлым Ивановым днем,
Приходи ты; мой муж не опасен для нас;
Он теперь на свиданьи ином;

Он с могучим Боклю ополчился теперь;
Он в сраженьи забыл про меня —
И тайком отопру я для милого дверь
Накануне Иванова дня».

«Я не властен притти, я не должен притти,
Я не смею притти (был ответ):
Пред Ивановым днем одиноким путем
Я пойду... мне товарища нет».

«О, сомнения прочь! Безмятежная ночь
Пред великим Ивановым днем
И тиха и темна, и свиданьям она
Благосклонна в молчаньи своем.

Я собак привяжу, часовых уложу,
Я крыльцо пересыплю травой,
И в приюте моем пред Ивановым днем
Безопасен ты будешь со мной!»

«Пусть собака молчит, часовой не трубит
И трава не слышна под ногой,
Но священник есть там: он не спит по ночам;
Он приход мой узнает ночной».

«Он уйдет к той поре; в монастырь на горе
Панихиду он позван служить, —
Кто-то был умерщвлен; по душе его он
Будет три дня поминки творить».

Он нахмуясь глядел, он, как мертвый, бледнел,
Он ужасен стоял при огне.

«Пусть о том, кто убит, он поминки творит:
То, быть может, поминки по мне.

Но полуночный час благосклонен для нас:
Я приду под защитою мглы», —
Он сказал... и она... я смотрю... уж одна
У маяка пустынной скалы.

И Смальгольмский барон, поражен, раздражен,
И кипел, и горел, и сверкал.
— Но скажи, наконец, кто ночной сей пришлец?
Он, клянусь небесами, пропал!

— Показалось мне при блестящем огне,
Был шелом с соколиным пером
И палаш боевой на цепи золотой,
Три звезды на щите голубом.

— Нет, мой паж молодой, ты обманут мечтой;
Сей полуночный, мрачный пришлец
Был не властен притти: он убит на пути;
Он в могилу зарыт, он мертвец.

— Нет! не чудилось мне, я стоял при огне,
И увидел, услышал я сам,
Как его обняла, как его назвала:
То был рыцарь Ричард Кольдингам.

И Смальгольмский барон, изумлен, поражен,
И хладел, и бледнел, и дрожал.

— Нет! в могиле покой; он лежит под землей,
Ты неправду мне, паж мой, сказал.

Где бежит и шумит меж утесами Твид,
Где подьмется мрачный Эльдон,
Уж три ночи, как там твой Ричард Кольдингам
Потаенным врагом умерщвлен.

Нет! сверканье огня ослепило твой взгляд;
Оглушен был ты бурей ночной;
Уж три ночи, три дня, как поминки творят
Чернецы за его упокой. —

Он идет в ворота, он уже на крыльце,
Он взошел по крутым ступеням
На площадку и видит: с печалью в лице
Одиноко-унылая там

Молодая жена — и тиха и бледна,
И в мечтании грустном глядит
На поля, небеса, на Мертонски леса,
На прозрачно бегущую Твид.

— Я с тобою опять, молодая жена.
— В добрый час, благородный барон.
Что расскажешь ты мне? Решена ли война?
Поразил ли Боклю иль сражен?

— Англичанин разбит; англичанин бежит
С Анкрамморских кровавых полей;
И Боклю наблюдать мне маяк мой велит
И беречься недобрых гостей. —

При ответе таком изменилась лицом
И ни слова... ни слова и он;
И пошла в свой покой с наклоненной головой,
И за нею суровый барон.

Ночь покойна была, но заснуть не дала.
Он вздыхал, он с собой говорил:
«Не пробудится он; не подыметя он;
Мертвецы не встают из могил».

Уж заря занялась: был таинственный час
Меж рассветом и утренней тьмой;
И глубоким он сном пред Ивановым днем
Вдруг заснул близ жены молодой.

Не спалося лишь ей, не смыкала очей...
И бродящим, открытым очам,
При лампадном огне, в шишаке и броне
Вдруг явился Ричард Кольдинггам.

— Воротись, удалися, — она говорит.
— Я к свиданью тобой приглашен;
Мне известно, кто здесь, неожиданный, спит, —
Не страшись, не услышит нас он.

Я во мраке ночном потаенным врагом
На дороге изменой убит;
Уж три ночи, три дня, как монахи меня
Поминают — и труп мой зарыт.

Он с тобой, оп с тобой, сей убийца ночной!
И ужасный теперь ему сон!
И надолго во мгле на пустынной скале,
Где маяк, я бродить осужден;

Где видалися мы под защитою тьмы,
Там скитаюсь теперь мертвецом;
И сюда с высоты не сошел бы... но ты
Заклинала Ивановым днем. —

Содрогнулась она и, смятенья полна,
Вопросила: — Но что же с тобой?
Дай один мне ответ — ты спасен ли иль нет?..
Он печально потряс головой.

— Выкупается кровью пролитая кровь —
То убийце скажи моему.
Беззаконную небо карает любовь —
Ты сама будь свидетель тому. —

Он тяжелою шуйцей коснулся стола,
Ей десницею руку пожал —
И десница как острое пламя была,
И по членам огонь пробежал.

И печать роковая в столе возжена:
Отразились пальцы на нем;
На руке ж — но таинственно руку она
Закрывала с тех пор полотном.

Есть монахиня в древних Драйбургских стенах:
И грустна и на свет не глядит;
Есть в Мельрозской обители мрачный монах:
И дичится людей и молчит.

Взгляни, как лес
Курчав и тих,
Как снизилась луна!

Она поет:
— Прохладна тень,
И ясен сон лесной...
Здесь — тьма и лень,
Здесь полон день
Весной и тишиной...

О, счастье — прах,
И гибель — прах,
Но мой закон — любить...
И я хочу
В лесах,
В лесах
Вдвоем с Эдвином жить!..

От графской свиты
Ты отстал,
Ты жаждою томим;
Охотничий блестит кинжал
За поясом твоим,
И соколиное перо
В ночи
Горит огнем, —
Я вижу
Графское тавро
На скакуне твоём!..

— Увы!.. Я графов не видал,
И род —
Не графский мой!
Я их поместья поджигал
Полуночной порой!..
Мое владенье —
Вдаль и вшпрь
В ночных лесах лежит,
Над ним кружится
Нетопырь,
И в нем
Сова кричит!..

Она поет:

— Прохладна тень,
И ясен сон лесной...
Здесь — тьма и лень,
Здесь полон день
Весной и тишиной...

О, счастье — прах,
И гибель — прах,
Но мой закон — любить...
И я хочу
В лесах, В лесах
Вдвоем с Эдвином жить!..

Веселый всадник,
Твой скакун
Храпит под чепраком.
Теперь я знаю:
Ты — драгун
И мчишься за полком...
Недаром скроен
Твой наряд
Из тканей дорогих
И шпоры длинные горят
На сапогах твоих!..

— Увы! Драгуном не был я,
Мне чужд солдатский строй:
Казарма вольная моя —
Сырой простор лесной...

Я песням у дроздов учусь
В передрасветный час,
В боярышник лисицей мчусь, —
От вражьих скрыться глаз...

И труд необычайный мой
Меня к закату ждет,
И необычная за мной
В тумане смерть придет...

Мы часа ждем
в ночи, в ночи!

И вот —
В лесах,
В лесах

Коней седлаем
И мечи
Мы точим на камнях...

Мы знаем
Тысячи дорог,
Мы слышим
Гром копыт.
С дороги каждой
Грянет рог —
И громом пролетит...

Где пуля запоеет в кустах,
Где легкий меч сверкнет,
Где жаркий заклубится прах,
Где верный конь заржет...

И листья
Плещутся, дрожа,
И птичий
Молкнет гам,
И убегают сторожа,
Открыв дорогу нам...

Но мой закон — любить!..
И я хочу

В лесах,
В лесах
Вдвоем с Эдвином жить!..

Э. Багрицкий

Роберт Бернс

МАКФЕРСОН ПЕРЕД КАЗНЬЮ

Так весело,
Отчаянно
Шел к виселице он.
В последний час
В последний пляс
Пустился Макферсон.

Привет вам, тюрьмы короля,
Где жизнь влачат рабы!
Меня сегодня ждет петля
И гладкие столбы.

В полях войны, среди мечей
Встречал я смерть не раз.
Но не дрожал я перед ней —
Не дрогну и сейчас!

Разбейте сталь моих оков,
Верните мой доспех.
Пусть выйдет десять смельчаков —
Я одолею всех.

Я жизнь свою провел в бою.
Умру не от меча:
Изменник предал жизнь мою
Веревке палача.

И перед смертью об одном
Душа моя грустит:
Что за меня в краю родном
Никто не отомстит.

Прости, мой край! Весь мир, прощай!
Меня поймали в сеть.
Но жалок тот, кто смерти ждет,
Не смея умереть!

Так весело,
Отчаянно
Шел к виселице он.
В последний час
В последний пляс
Пустился Макферсон.
С. Маршак

Роберт Стивенсон

БРОДЯГА

Жизнь такую надо мне,
Чтоб очистить душу.
И хожу я по стране,
По воде и суше.

Сплю, а звезды надо мной,
Хлеб мокаю в реку,
И не надобно иной
Жизни человеку.

Отцветет цветущий луг
Поздно или рано.
Вся земля лежит вокруг,
Путь — в любые страны.

Не богат я, не любим
И прошу не много:
Жить под небом голубым
И ходить дорогой.

Осень ласкова ко мне,
Я хожу, люблюсь.
Чистит птичка в тишине
Лапку голубую.

Небеса на склоне дня
Огненного цвета.

Нету пользы от меня
Ни зиме, ни лету!

Отцветет цветущий луг
Поздно или рано.
Вся земля лежит вокруг,
Путь — в любые страны.
Не богат я, не любим
И прошу не много:
Жить под небом голубым
И ходить дорогой!

Наталья Ковчаловская

Шекспир

ЗИМА

Когда в сосульках сеновал
И дуют в руки на дворе,
И Том дрова приносит в зал,
И мерзнет молоко в ведре,
И стынет кровь, и всюду грязь,
Заводит сыч, во тьму вперясь:
Тью-гу!

Ту-ит, тью-гу! Ну и певун! —
Вся в сале, Анна трет чугуц.

Когда от кашля прихожан
Не слышно пасторских слов,
И птицы хохлятся в буран,
И у Марьяны нос багров,
И прыщут груши в кипятке,
Заводит филин вдалеке:
Тью-гу!

Ту-ит, тью-гу! Ну и певун! —
Вся в сале, Анна трет чугуц.

Б. Пастернак

**ПЕСНИ ШУТА
ИЗ «КОРОЛЯ ЛИРА»**

1

Звени поменьше кошельком,
Мели поменьше языком
И лучше сам будь должником,
Чем другу денежным мешком.
К богатым не ходи пешком,
Будь осторожным игроком,
Не верь тому, с кем незнаком.

Забудь и кружку
И подружку,
Храни ревниво каждый грош.
Тогда полушку на полушку,
А на сто сотню наживешь!

2

Тот, кто решился по кускам
Страну свою раздать,
Пусть приобщится к дуракам,
Он будет мне подстать.

Мы станем с ним рука к руке —
Два круглых дурака:
Один в дурацком колпаке,
Другой — без колпака!

3

Для дураков — печальный день:
Все умники страны
Мозги надели набекрень
И стали им равны!

4

Тот, кто крошек не сберег,
Черствой коркой пренебрег, —
Будет каяться, когда
Постучится в дверь нужда.

Вскормил кукушку воробей —
 Бездомного
 Птенца,
 А тот возьми да и убей:
 Приемного
 Отца!

Лиса-плутовка
 И дочка короля —
 Одна бы вам веревка,
 Одна бы вам петля!

Продам колпак,
 Куплю
 Петлю,
 Дурак —
 Товарищ королю!

Кто служит только для того,
 Чтоб извлекать доходы,
 Тебя оставит одного
 Во время непогоды.

Но шут с тобой — твой верный шут,
 Служил он не для денег,
 Он жалкий шут, но он не плут!
 Дурак, а не мошенник!

Тот, кто в несчастьи владеет собой,
 Молния, гром и град —
 В бурю и в шквал не дрожит пред судьбой,
 Будь они сутки подряд!

Когда откажется священник
 Кривить душою из-за денег

И перестанет пивовар
 Водюю разбавлять товар,

Когда наскучит кавалерам
Учиться у портных манерам,

Когда сретиков монах
Сжигать не станет на кострах,

Когда судья грешить не будет
И без причины не осудит,

Когда умолкнет клевета,
Замок повесив на уста,

Когда блудница храм построит,
А ростовщик сундук откроет,

Тогда-то будет Альбион
До основанья потрясен,

Тогда ходить мы будем с вами
Вверх головами, вниз ногами!

С. Маршак

Роберт Бернс

ЧЕСТНАЯ БЕДНОСТЬ

Кто честной бедности своей
Стыдится — и все прочее,
Тот самый жалкий из людей,
Трусливый раб и прочее.

При всем при том,
При всем при том,
Пускай бедны мы с вами,
Богатство —
Штамп на золотом,
А золотой —
Мы сами!

Мы хлеб едим и воду пьем,
Мы укрываемся тряпьем,
И все такое прочее,
А между тем дурак и плут

Одеты в шелк и вина пьют,
И все такое прочее.

При всем при том,
При всем при том,
Судите не по платью.
Кто честным кормится трудом —
Таких зову я знатью!

Вот этот шут — природный лорд,
Ему должны мы кланяться.
Но пусть он чопорен и горд, —
Бревно бревном останется!

При всем при том,
При всем при том,
Хоть весь он в позументах, —
Бревно останется бревном
И в орденах и в лентах!

Король лакея своего
Назначит генералом,
Но он не может никого
Назначить честным малым.

При всем при том,
При всем при том,
Награды, лесть
И прочее
Не заменяют
Ум и честь
И все такое прочее!

Настанет день, и час пробьет,
Когда уму и чести
На всей земле придет черед
Стоять на первом месте.

При всем при том,
При всем при том,
Могу вам предсказать я,
Что будет день,
Когда кругом
Все люди станут братья.

С. Маршак

ПЕСНЯ О РУБАШКЕ

Затекшие пальцы болят,
И веки болят на опухших глазах...
Швея в своем жалком отрпье сидит
С шитьем и иглой в руках.
Шьет — шьет — шьет,
В грязи, в нищете, голодна,
И жалобно горькую песню поет,
Поет о рубашке она.

«Работай! работай! работай,
Едва пегухи прокричат!
Работай! работай! работай,
Хоть звезды сквозь кровлю глядят!
'Ах, лучше бы мне пропадать
В неволе у злых басурман!
Там нечего женщине душу спасать,
Как надо у нас, христиан.

Работай! работай! работай,
Пока не сожмет головы, как в тисках!
Работай! работай! работай,
Пока не померкнет в глазах!
Строчку — ластовку — ворот —
Ворот — ластовку — строчку...
Повалит ли сон над шитьем — и во сне
Строчишь все да рубишь сорочку.

О братья любимых сестер!
Опора любимых супругов, матерей!
Не холст на рубашках вы носите, нет!
А жизнь безотрадную швей.
Шей! шей! шей!..
В грязи, в нищете, голодна,
Рубашку и саван одною иглой
Я шью из того ж полотна.

Но что мне до смерти? Ее не боюсь,
И сердце не дрогнет мое,
Хоть тотчас костлявая гостья приди...

Я стала похожа сама на нее;
Похожа от голода я на нее;
Здоровье не явится вновь.
О боже! Зачем это дорог так хлеб,
Так дешево тело и кровь?

Работай! работай! работай!
Мой труд бесконечный жесток.
А плата? Отрепье, солома в углу
Да черствого хлеба кусок.
Скамейка да стол, голый пол,
Убогая кровля сквозится...
И то любо мне, как на серой стене
Порой моя тень отразится.

Работай! работай! работай
От боя до боя часов!
Работай! работай! работай,
Как каторжник в тьме рудников!
Строчка — ластовка — ворот —
Ворот — строчка — рубец...
Застелет глаза, онемееет рука,
И сердце замрет под ковець.

Работай! работай! работай,
Когда леденеет в окошке стекло!
Работай! работай! работай,
Когда и светло, и тепло,
И ласточки, к выступам кровли лепясь,
Щебечут в сиянии дня,
И кажут мне яркие спинки свои,
И дразнят весною меня.

О! только бы раз подышать
Дыханьем лугов, полевыми цветами,
Вверху только небо одно,
Трава и цветы под ногами.
О! только бы час лишь пожить
Блаженством младенческих лет,
Когда я не знала, что буду ценить
Дороже прогулки обед!

О! только бы час лишь один!
Лишь миг!.. Чтоб душа ожила...

Любовь и надежда! И мига вам нет;
Все время печаль отняла.
Поплакать бы — легче бы сердцу от слез...
Нет, слезы мои, не теките!
Иголке моей не мешайте вы шить!
Шитья моего не мочите!»

Затекшие пальцы болят,
И веки болят на опухших глазах...
Швея в своем жалком огренье сидит
С шитьем и иглой в руках.
Шьет — шьет — шьет,
В грязи, в нищете, голодна,
И жалобно горькую песню поет...
Иль песня та к вам, богачи, не дойдет?..
Поет о рубашке она.

М. Михайлов

Чарльз Кингсли

НА ДЮНАХ ДИ

— О Мэри, поскорей гони коров домой,
Гони коров домой,
Гони коров домой,
Они на дюнах Ди!
Она пошла одна, и ветер над волной
Был холоден и дик.

В вечерний час прижав взбирался на пески,
Все выше на пески,
Все дальше на пески,
И надвигалась мгла,
Седой, слепой туман осел на тростники,
И Мэри не пришла.

— Трава ли это, рыба или прядь волос,
Прядь золотых волос,
Прядь девичьих волос?
Ты в невод погляди!
Так ярко никогда не заблестит лосось
На наших дюнах Ди!

И Джонни пошел к капитану
С ведром и пистолетом, —
Он окатил его сразу
И показал пистолет.

— Примите скорей команду, —
Так сказал ему Джонни, —
Лучше от бури погибнуть,
Чем от пули моей!..

И протрезвел тот сразу —
Наш капитан веселый,
Начал смотреть на компас,
Начал в рупор кричать.

Так всю ночь нас мотало,
А поутру пред нами
Город новый явился, —
И в гавань мы вошли...

Пойте песни про Джонни,
Спасшего ночью судно,
Пойте песни про Джонни,
Джонни из Ливерпуля!

Э. Багрицкий

СКАЗКА О СТАРУШКЕ

Детская песенка

Старушка пошла продавать молоко.
Деревня от рынка была далеко.
Устала старушка и, кончив дела,
У самой дороги вздремнуть прилегла.

К старушке веселый щенок подошел,
За юбку схватил и порвал ей подол.
Погода была в это время свежа.
Старушка проснулась, от стужи дрожа.

Проснулась старушка и стала искать
Домашние туфли, свечу и кровать.
Но, порванной юбки ощупав край,
Сказала: «Ах, батюшки, это не я!»

Пойду-ка домой! Если я — это я,
Меня не укусит собака моя.
Она меня встретит, визжа, у ворот,
А если не я — на куски разорвет!»

В окно постучала старушка чуть свет.
Залаяла громко собака в ответ.
Старушка присела, сама не своя,
И тихо сказала: «Ну, значит, не я».

С. Маршак

ПИРОГ

Детская песенка

Много-много птичек
Запекли в пирог —
Семьдесят силичек,
Сорок семь сорок.

Трудно непоседам
В тесте усидеть —
Птицы за обедом
Громко стали петь.

Побежали люди
В золотой чертог,
Королю на блюде
Понесли пирог.

Где король? На троне,
Пишет манифест.
Королева в спальне
Хлеб с вареньем ест.

Королевна в парке
Вешает белье.
С дерева сорока
Смотрит на нее.

С. Маршак

КЛЮЧ ОТ КОРОЛЕВСТВА

Детская песенка

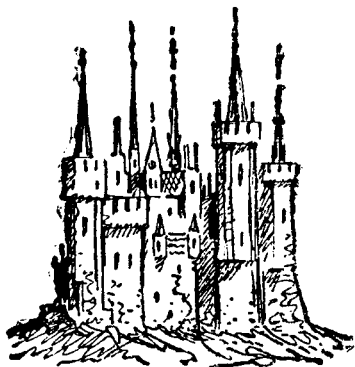
Вот вам ключ от королевства!

В королевстве — город,
А в городе — улица.
А на улице есть двор.
На дворе — высокий дом.
В этом доме — спальенка,
В спальне — колыбелька.
В колыбели — две корзинки —
 Ландышей,
 Ландышей
Полные корзинки.

Ландыши — в корзинках,
Корзинки — в колыбельке.
Колыбелька — в спальенке,
А спальенка — в доме.
Дом стоит среди двора.
Двор глядит на улицу.
А улица — в городе.
Город — в королевстве.

Вот от королевства ключ,
Ключ от королевства!

С. Маршак

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В этой книге собраны образцы баллад и песен английского народа. Среди стихотворений, воспевающих любовь к родине, мы поместили под заглавием «Родина» отрывок из поэмы «Мармион», принадлежащей перу знаменитого английского поэта и создателя исторического романа Вальтер Скотта (1771—1832).

В настоящем сборнике помещены также стихотворения Шекспира (1564—1616), Байрона (1788—1824), гениального поэта шотландского народа Роберта Бернса (1759—1796), Вильяма Блейка (1757—1827), Роберта Саути (1774—1843), Томаса Худа (1789—1845), одного из величайших поэтов Англии Альфреда Теннисона (1809—1892), Роберта Луиса Стивенсона (1850—1894) — автора известного романа приключений «Остров сокровищ».

В книжке также помещены английские народные баллады. Само слово «баллада» происходит от латинского глагола «балларе» — танцевать: встарину баллада не только распевалась сказителями, но и изображалась в мимическом танце. Излюбленный герой английской народной баллады — легендарный Робин Гуд, чье имя первоначально означало «Роберт, живущий в лесу». Робин Гуд, прославленный стрелок из лука, живет в «зеленом лесу» вместе со своими «веселыми товарищами». Он беспощадный враг всех угнетателей народа, верный друг униженных и обездоленных. Робин Гуд впервые упоминается в английской литературе в XIV веке. Память героя-богатыря ежегодно праздновалась английским народом в день первого мая.

Наряду с балладами о Робин Гуде замечательны по поэтическим своим достоинствам баллады, описывающие события личной жизни (например «Королева Элиор»). Английские баллады этого типа обычно окрашены в трагический колорит. В этом отношении они перекликаются с великой английской драматургией конца XVI и начала XVII века (Шекспир, Марло), нашедшей наиболее яркое выражение в трагических произведениях.

В конце сборника помещены английские стихотворения для детей, составляющие интересную страницу поэтического творчества английского народа. Многие из этих стихотворений (например «Ключ от королевства») существуют в самых разнообразных вариантах (они передавались из уст в уста, от поколения к поколению) и уводят нас в глубокую древность.

СОДЕРЖАНИЕ

Вальтер Скотт. Родина. (Перевод Т. Шепкиной-Куперник) . . .	3
Роберт Бернс. Лучший парень. (Перевод С. Маршак) . . .	4
Народная баллада. Мэри Амбри. (Перевод В. Левика) . . .	5
Байрон. Ты кончил жизни путь. (Перевод А. Плещеева) . . .	7
Вульф. На погребение сэра Джона Мура. (Перевод Н. Козлова) . . .	8
Роберт Саути. Суд божий над епископом. (Перевод В. Жуковского) . . .	9
Роберт Стивенсон. Вересковый мед. (Перевод С. Маршак) . . .	12
Теннисон. Годива. (Перевод Н. Бунина) . . .	14
Вильям Блейк. Король Ивн. (Перевод С. Маршак) . . .	17
Народная баллада. Робин Гуд и Маленький Джон. (Перевод М. Цветаевой) . . .	20
Народная баллада. Робин Гуд спасает трех стрелков. (Перевод М. Цветаевой) . . .	25
Народная шотландская песня. Ворон и ворону летит. (Перевод А. Пушкина) . . .	28
Народная шотландская баллада. Эдвард. (Перевод А. К. Толстого) . . .	29
Народная баллада. Трагедия Дугласов. (Перевод С. Маршак) . . .	31
Народная баллада. Королева Элинор. (Перевод С. Маршак) . . .	33
Вальтер Скотт. Иванов вечер. (Перевод В. Жуковского) . . .	35
Вальтер Скотт. Разбойник. (Перевод Э. Багрицкого) . . .	41
Роберт Бернс. Макферсон перед казнью. (Перевод С. Маршак) . . .	46
Роберт Стивенсон. Брозяга. (Перевод Н. Кончаловской) . . .	47
Шекспир. Зима. (Перевод Б. Пастернака) . . .	48
Шекспир. Песни шута из «Короля Лира». (Перевод С. Маршак) . . .	49
Роберт Бернс. Честная бедность. (Перевод С. Маршак) . . .	51
Томас Худ. Песня о рубашке. (Перевод М. Михайлова) . . .	53
Чарльз Книгдей. На дюнах Ди. (Перевод Н. Кончаловской) . . .	55
Аллан Криннингхем. Песня матроса. (Перевод В. Левика) . . .	56
Народная песня. Джонни. (Перевод Э. Багрицкого) . . .	57
Детская песенка. Сказка о старушке. (Перевод С. Маршак) . . .	59
Детская песенка. Пирог. (Перевод С. Маршак) . . .	60
Детская песенка. Ключ от королевства. (Перевод С. Маршак) . . .	61
Послесловие	62

ДЛЯ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Ответственный редактор *И. Дюмен.*

Подписано к печати 14/XI 1942 г. 4^{1/2} печ. л. (3,1 уч.-изд. л.). 38 720 экз. в печ. л.
Тираж 50 000 экз. Л150358. Заказ № 2489. Цена 1 руб. 50 коп.

Фабрика детской книги Детгиз Наркомпроса РСФСР. Москва, Сушевский вал, 49.

56

Цена 1 р. 50 к.